

Питера Брука

шебство Брука "развоплощением слова", а тот особенный мерцающий свет – светом абсолютной душевной мудрости.

Последние бруковские спектакли озадачивают своей необычной простотой. Умиротворяющая и примиряющая последняя "Буря", про нее кто-то из критиков написал, что "Брук словно прощается этим спектаклем с театром, подводит итоги долгой творческой жизни". Затем следует спектакль "Человек, который принял свою жену за шляпу" – спектакль про клинику душевнобольных, но и в нем не было и тени болезненной громкости, вызова и эпатажности вайсовского "Марата-Сада". Брук говорил о душевном мире человека – говорил ясно, тихо и просто. Следом шел спектакль по Беккету "О, счастливые дни", где зритель следил за двухчасовым монологом женщины, которая "перебирает свою жизнь, как перебирают вещи в своей сумочке". Спектакль, где "узор создается сочетанием слова и звука, молчания и тишины, в которой кроится энергия жизни" (А.Смелянский). А в 1999 году Брук ставит "Костюм", на первый взгляд банальную историю о том, как забытый костюм любовника благодаря навязчивой идее мужа на долгое время становится членом семьи. Спектакль, где есть почти студенческая легкость, и, одновременно, мудрость. И наконец, "Гамлет" – спектакль, кажущийся простым, но вместе с тем оказывающийся неразрешимо сложным – тоже, без сомнения, – спектакль-итог.

можно. Но, увы, она не знает рецепт противоядия.

Станным образом получается, что совсем не Клавдий с помощью Лаэрта убил Гамлета, а "часть той силы" – "дух родного отца". Но разве родной отец может сознательно обречь сына на такие мучения? А, может быть, совсем не честный Призрак посетил Гамлета, и во всем виноват тот мираж – сгусток какой-то ядовитой, с каждым мигом все больше и больше разрастающейся, расплывающейся энергии. И найти ответы на поставленные вопросы, мне кажется, невозможно. Увы, в этом спектакле Питера Брука немисливо все подчинить, подвести к какой-то одной – пусть и цельной, совершенной, но концепции. Не случайно сам режиссер не принимает этого слова: "Концепция – это жидкая интеллектуальная кашка... Да, есть концепция, но за ней еще есть "концепция оплодотворенная образом", а за образом и концепцией еще живет музыка. Музыкой выражается человеческое переживание, которое не может быть упаковано в концепцию. Из нее рождается поэзия, потому что в поэзии существует чрезвычайно тонкое отношение между ритмом, звуком, вибрацией и энергией, которые и сооб-

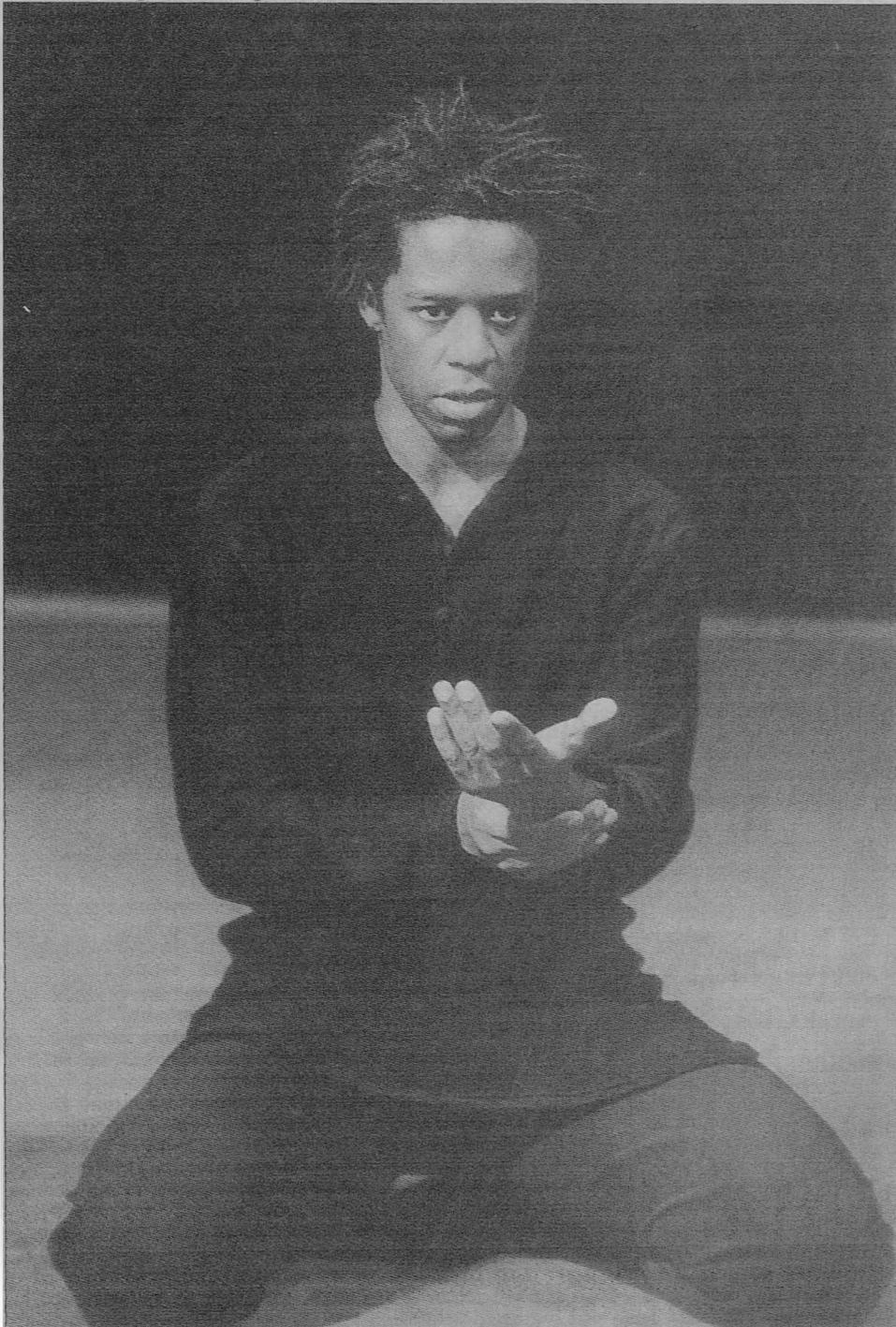
щают произнесенному слову концепцию, образ и еще мощнейший масштаб, рождающийся звуком, словесной музыкой".

Эту свою волшебную музыку – двойную "миражную" реальность – Брук создает сначала тихим шорохом трещотки и боязливыми вопросами Горацио, потом (в сцене, когда Гамлет, занеся рапиру над головой Клавдия, не сможет совершить убийство) неожиданно прорвется резким металлическо-электронным звуком (почти такой же Нярошюс вводит в "Отелло" – словно фонит микрофон). Мощное энергетическое поле все скапливается, собирается – и в финале как в воронку засасывает всех героев. Пьет яд и умирает Гертруда. Раненый падает, умирает Лаэрт. Гамлет убивает Клавдия. Трупы в ряд лежат на сцене. Умирающий Гамлет поднимает вверх сверкающий серебряный кубок, и, словно произнося тост, – выпивает его содержимое. Силы начинают покидать героя, он поднимает глаза, произнося: "Дальше – тишина". Недвижно затихает. Горацио дотрагивается до глаз Гамлета, и от этого легкого прикосновения тело Гамлета падает. Вновь раздается пронзительный металлический звук, посте-

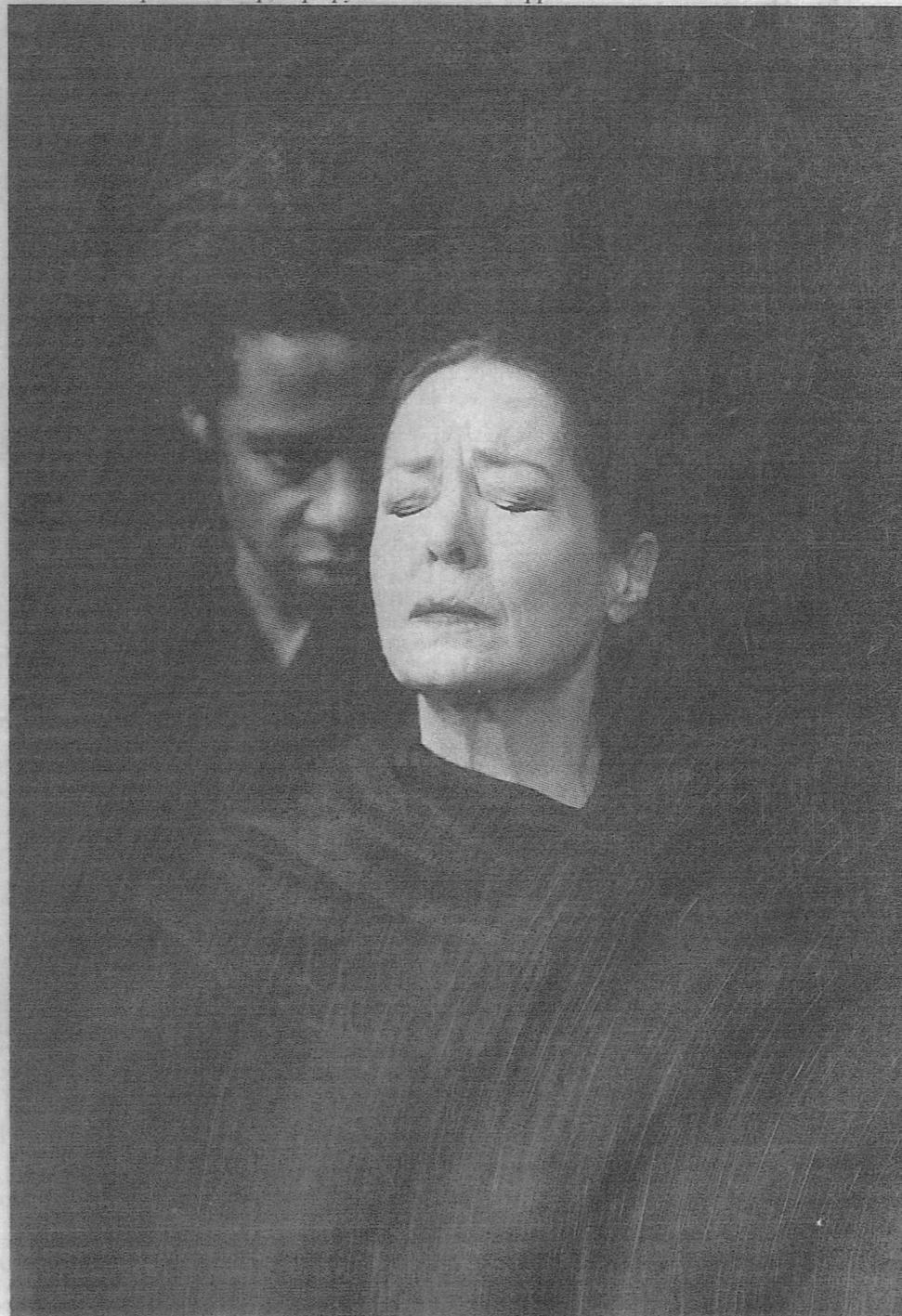
пенно он становится все громче и громче. Раздражающий звук тянется долго, впиваясь и вгрызаясь в сознание зрителей. И вдруг неожиданно обрывается. Окутывает и околдовывает звенящая и пугающая тишина. Горацио встает, распрямляется, делает несколько неуверенных шагов, снова вглядывается в пустоту. Раздается шум трещотки (точно таким же звуком спектакль начинался), и оживают все умершие, поднимаются и выстраиваются в шахматном порядке. Горацио произносит "Кто здесь?". Свет прибавляется – сценическая площадка словно накаляется. Горацио снова произносит "Кто здесь?" и неожиданно как-то странно счастливо улыбается. Возникает пауза, после нее все персонажи вместе с Горацио одновременно разворачиваются и в полной тишине уходят со сцены.

Питер Брук чисто театральными и, скажем прямо, чрезвычайно простыми средствами добивается невозможного – делает осязаемой атмосферу. Театральное пространство у Брука начинает жить собственной, самостоятельной жизнью и издавать какой-то магический, мерцающий свет. А.В.Бартошевич очень точно назвал это вол-

Гамлет – Адриан Лестер (монолог "Быть или не быть")

Гамлет – Адриан Лестер, Гертруда – Наташа Парри

Звук и сцена –